

Давид ЗОЛОТНИЦКИЙ

На Ленинградском фронте

Война уже началась, когда я сдавал последние госэкзамены на литфаке Ленинградского педагогического института имени Герцена. Радио на ночь не выключали. Ранним утром 3 июля нас разбудила отчаянными, рыдающими интонациями речь Сталина. Но и без того было ясно, что дела нешуточные. Отправился в институт. Там уже шла запись в народное ополчение. 5 июля нас построили во дворе, перед входом в институтский клуб — двор был заполнен людьми. Студентов наших было не так уж много (ведь уходили в армию и через военкомат, и через райком комсомола). Преобладали люди незнакомые, старше нас годами — как потом выяснилось, рабочие и служащие фабрики «Скорород» и других предприятий Московского района. Краткую призывную речь сказал человек, в котором мы узнали А.А.Гусева, председателя городского комитета по делам физкультуры и спорта. Как оказалось, все вместе мы представляли отныне личный состав артиллерийского полка нашей 2-й дивизии народного ополчения (2-я ДНО). Командовал полком капитан И.Г.Хачатурян, а Гусев стал комиссаром полка.

Было часов десять-одиннадцать утра, когда мы, наконец, вышли из ворот института, сопровождаемые родными и друзьями, шагавшими по тротуару. Не слишком держа строй и совсем не чеканя шаг, прошли весь Московский проспект насквозь, до самой Средней Рогатки, и свернули к Мясокомбинату. В его бараках было наше первое пристанище. Нас переписывали, отбирали паспорта, стригли машинкой, выдавали шинели и винтовки. Первые дни наскоро одолевали азы солдатской науки, разбирали и собирали стрелковое оружие. Пушкеры возились со своими пушками, а мы, несколько студентов из взвода управления и разведки артполка, что-то не очень убедительно изучали. Все понимали, учителя и ученики: главная наука будет потом, в деле. И верно: там уже учились вместе. Но не стоит забегать вперед. Скажу только, что на занятиях мы тянулись, старались, не хотели ударить лицом в грязь. Погода стояла прекрасная, поневоле расстегивались воротнички на гимнастерках. Но никто особенно за этим не следил, имелись заботы поважнее.

Дней через десять, светлой петербургской ночью, связисты-разведчики, рассеявшись поверх высоко груженой трехтонки с боевым имуществом, уезжали из Мясокомбината на Витебскую товарную станцию. Огневники ушли вечером пешком вслед за своими орудиями, а мы, закончив погрузку, нагоняли их. В вагоны перебрались долго и тронулись с места даже не наутро, а ближе к полудню. Долго кружили по путям, останавливались, пока не попали, наконец, на Балтийскую железную дорогу. Ехали целый день, а к вечеру на станции Веймарн, чуть не доезжая Кингисеппа, эшелон остановился. На брешющем полете пронесся прямо над крышами вагонов черный разведчик, тяжелая тень скользнула по земле. Потом стали бомбить — но не поезд, а водокачку, чтоб не набрать воды. Мы по команде сошли в придорожный лесок справа от колеек, так в вагоны и не вернувшись, отправились небольшими отрядами по проселочной дороге, — как позже выяснилось, в сторону реки Луги и села Ивановского на ней. Ночь провели в лесу под елками. Спали, закутавшись в шинели. Сон показался таким сладким, что утром было никак не проснуться, хотя прошел дождь и все отсырело. Насилу протер глаза. Увидел: свой уже в пути, и пустился вдогонку.

На какой-то прогалине, километра полтора не доходя до реки и метрах в пяти от дороги, оборудовали огневую позицию, землянки-укрытия. Запасных позиций сначала не было, оттого через несколько дней одно орудие было у нас разбито ответным огнем врага. Наш командир батареи был молод, широкоплеч, имел хорошую строевую выправку и щегольскую португую. Относился к нам, бойцам, дружески, как, впрочем, и все остальные командиры. Из бойцов запомнился один, по фамилии Шопин, которую, понятно, сразу исправили на непримечательную. Но запомнилась не фамилия, а то, что был он колченогий, не мог двигаться в строю, но рвался в бой, был по-настоящему самоотверженным, сильным духом и с привлекательной дерзостью огрывался на усмешки приятелей. Помню еще политрука Маурин. Сперва он сильно приглянулся бойцам: был заодно с нами и в бою, и с ложкой у котелка. Но как раз последнее вызвало вспышку возмущения, когда выяснилось, что Маурин был болен триппером. Его удалили из батареи.

Самую горькую память оставило историческое какое-то геройство некоторых наших артиллеристов, проходивших раньше срочную службу. Особенно отличился один старшина: без конца плясал, играл на гармошке, чуть не в одиночку двигал орудие. И погиб одним из первых, потому что не желал укрыться при обстреле, когда немцы засекли нашу батарею, опять пустился в пляс, словно все было для него игрой. Но с его гибелью резко оборвалась эта взвинченная бравада: все пошло строже, прозрачнее и, в боевом отношении, результативнее. Команды точно выполнялись. Больше

стали беречь людей. Притом первое время мы все были избалованы заботами жителей Московского района. Не то что обычной солдатской едой, но и деликатесов на батарее было хоть отбавляй: копченые колбасы лучших сортов, папиросы в неограниченном количестве. На огневые позиции приезжали делегации, опять же не с пустыми руками, и все шло в общий котел. Так что наша партизанщина имела и свою привлекательную сторону.

Мы, бойцы взвода управления и разведки, были рассредоточены по батареям и осуществляли связь с пехотой, с командным пунктом (КП) полка на передовой, ходили в разведку, просачиваясь через лес в немецкий тыл, чтобы уточнить расположение танков, которые немцы регулярно заводили по ночам. Было в нашем отделении, скорее полуотделении, человек пять, из них — трое герценовцев с литфака: Шура Васильев, белесый, стройный мальчик с хорошо развитыми плечами спортсмена, легкий на ногу и беззаботно-веселый; Миша Шелягин, невысокий, плотный, рассудительный, с чуть выпуклыми глазами и немощно бабьим голосом; наконец я. Мы держались вместе, да и не мудрено: четыре года института за плечами, друг дружку знали близко. Но Шуру пришлось самим подсаживать на грузовик — отправлять в медсанбат: когда выходили из ничейного леса после одной из разведок, попали под обстрел. По неопытности не догадались, что били шрапнелью, и удивились, увидев, что у Шуры расщеплено надбровье и кровь заливает лицо. Несмотря на его протесты, посадили его на попутную машину, уверенные, что в тот же день он вернется после перевязки. Но больше мы его не видели. Миша Шелягин тоже был ранен, но много позже. Судьба нас развела по разным участкам Ленинградского фронта.

Году в 1944 мне сказали, что он погиб героически под Пулковком, исполняя свои обязанности связиста, сражаясь под обстрелом перебитую линию связи.

Во времена ополчения такая починка связи была обычным нашим делом.

Как-то поздно вечером отправились искать очередной обрыв. Нашли. Связь восстановили. Сидим у обочины дороги: перекур. Курить было необходимо, потому что в июле саеу не было от комаров. Винтовки в траве. Вдруг видим: проезжают две или три блестящие черные лаком, хоть и запятанные, легковые машины с откинутым верхом. В одной на заднем сиденье командир с крупными звездами в петлицах. Останавливается, делает мне знак рукой (я ближе всех был к дороге), словно хочет местонахождение уточнить. В спешке я даже не успел хотя бы расправить пилотку — так со спущенными боками и подбежал. А он внимательно меня осмотрел и спрашивает:

— Товарищ боец, какое боевое задание выполняете?

Я что-то застенчиво докладываю: ополченцы, мол, связисты, починили обрыв, перекур у нас... Встреча не входила в наши планы.

— А личное оружие где?
— Батюшки! Только теперь догадываюсь, что выгляжу форменным дезертиром. Кидаясь, достаю винтовку из травы. Ребята поднялись, подошли.

Я выткнулся, как отличник строевой подготовки, в струнку. Все — оружие, пилотка, шинель — враз оказалось на подобающем уровне.

Генерал как-то устало смягчился — особенно при слове ополчение — и, уже отворачиваясь, внятно сказал нам всем:

— А то у меня в машине член особого отдела. Приговор оформляет на месте.

Машины двинулись дальше в сторону переднего края.

Фашистов мы ненавидели все, воевали, не щадя себя, но пока мало что умели, и у генерала были поводы не слишком нами любоваться. Мы думали о наших батарейных делах.

Они шли не блестяще. Немцы разбили уже несколько орудий, и артполк пришлось сократить на батарею. Освободившихся людей перебросили на восполнение потерь в пехоту. Об этом объявил физкультурный комиссар Гусев, когда выстроили бойцов, передаваемых в 1-й стрелковый полк нашей дивизии. В их числе оказался и я.

Там была своя жизнь: ночные бдения на переднем крае в одиночных окопах-ячейках, походов на норы в песке, и относительно спокойная поначалу дневная жизнь. Потому что первые ожесточенные бои, среди них и одна ночная огненная мясорубка в котловане под селом Ивановским, остались позади, а генеральное наступление немцев на Ленинград, начатое 8 августа, еще только предстояло. Пока шли авиаразведки, артналеты. Ночью, как сказано, на том берегу заводили танки, и каждая такая ночь могла оказаться началом схватки.

Накануне событий, 7 августа, я был ранен осколком шальной мины. Нас, раненых, отправили сперва в медсанбат в село Ополье, но не выгружая из машины, повезли дальше, в передвижной походный госпиталь (ППГ) на станции Волосово.

Пока там лежал, наше тяжелое отступление к ораниенбаумскому пятачку уже началось.

Дальше события набирали обороты.

Когда валялся в госпитале, подумалось: а ведь у нас в дивизии выходит газета «За победу». Не наведаться ли?.. И когда меня выписали, отправился на свой страх и риск в Ораниенбаум. Там, в домике местной газеты, нашла приятель и редакция дивизионки. Я представился, показал справку из госпиталя, бумаги с гражданки. Одну — об окончании литфака, другую — из журнала «Звезда», о том, что там печатался и служил в штате литературным редактором (когда был еще студентом последнего курса). Тут же — справка из журнала «Ленинград», где числили меня постоянным автором. Имелась и справка о том, что я состою в ленинградском горкомом писателей. То была чисто профсоюзная организация, но как раз такая справка, видно, была самой веской. В глазах политотделов слово горком значило куда больше, чем слово союз (а туда меня приняли только после войны, в 1948 году). Но даже и не это решило дело. Главными доводами в мою пользу оказалось то, что я рядовой боец, и еще — вскользь брошенные слова, что я профессионально печатаю на машинке.

Тут я был всем обязан матери. Она-то была классной машинисткой. С тех пор, как отец заболел, заботы о доме легли на ее плечи, она работала без отдыха, а я, попрактиковавшись, немного помогал ей. От нее я унаследовал и почти безупречную грамотность — я и сестра Софья: она тоже окончила литфак Герценовского института, немало лет преподавала русский язык и литературу в средней школе. Младший брат Григорий стал врачом: уже после войны окончил в Ленинграде Военно-морскую медицинскую академию и отслужил два десятка лет на кораблях Балтийского флота. А пока что они дома, в блокадном уже Ленинграде, наверняка переживали за меня. Им и в голову не могло прийти, что значила пишущая машинка в зигзагах моей военной судьбы.

Да, ремесло машинистки оказалось в дивизии дефицитнейшим. Не успели зачислить меня в редакцию (на правах прикомандированного рядового из стрелкового полка), как возник некий капитан интендантского обличья и стал переманивать меня в штаб дивизии. Я отказался. Всерьез воевать в качестве машинистки! Все-таки, какой ни на есть, а я литератор.

Чем только ни приходилось заниматься тогда в газете! Добывал информацию в частях на передовой, придавал этой информации удобочитаемый вид за краешком редакционного стола, отстукивал материалы текущего номера на машинке, потихоньку выправляя стилистику. Свои статьи мне диктовали прямо на машинку наши штатные сотрудники с офицерскими званиями Иосиф Альбаки и Валентин Мольво, пришедшие в ополчение из фабричной многотиражки «Скорородовский рабочий». Это были хорошие люди и дельные газетчики. Но когда они, в касках и вооруженные до зубов, отправлялись в часть за материалом, я чутьочку посмеивался про себя, потому что был уже достаточно обстрелян. Да и перышком по бумаге водил, как мне казалось, не хуже прочих. Писал все, что придет, от очерков до стихов. Разве что передовиц не сочинял. Помню, например, такие призывные строки, где отдавал дань моему недавнему артиллерийскому прошлому:

Чтоб стать поперец фашистского горла,
Точней наводи орудийные жерла.
Врага поражай огнем и сталью!
Вгоняй снаряды в глотку шакалю!

Много лет спустя наш тогдашний редактор дивизионки С.М.Бардин, вспоминая ту пору, обронил в «Журналисте» (1983, № 12) загадочную фразу: «Постоянно находились среди наступающих корреспондентов Н.Шипкин и Д.Золотницкий». О каком Шипкине шла речь, не знаю, при мне такого у нас в редакции не было, видно, он появился позже. И о каких таких наступающих корреспондентах шла речь? Увы, первую военную осень и зиму мы, главным образом, оборонялись.

Притом книгу воспоминаний Бардина «...И штатские надели шинели» храню как дорогую память о пережитом.

Работа в газете широко открыла передо мной жизнь частей нашей дивизии. С осени она стала кадровой 85-й стрелковой дивизией. В сентябре мы покинули Ораниенбаум. Весь здешний пятачок заняла морская пехота и прореджалась там до отступления немцев. На эстонских транспортах, уходивших из Таллина, нас повезли в лунную ночь по Финскому заливу в Ленинград. Но лодмана, как видно, не нашлось, и тот транспорт, которым мы плыли, сел на мель и сутки провел перед береговой батареей немцев в Стрельне.

К счастью, почему-то обошлось без стрельбы. С тех пор свою непобедимую дивизию изумленные бойцы называли еще и непromoкаемой.

Наконец выгрузились в Ленинграде. Обосновались на Фарфоровом заводе имени Ломоносова. Теперь уже можно было повидаться с родными, а немного погодя и выбраться на полчаса домой. Дальше — зима на рубежах обороны. Станции Понтонная, Саперная, село Усть-Ижора, Гофманские печи Колпина. Бои под Красным Бором, у Металлостроя. Авантюра генерала Андреева, нашего неуживчивого и недолгого командира, — попытка прорвать фронт без всяких на то средств, на ура. Гибель многих бойцов. Голод, холод, дистрофия. Бельство в плен. Страшная первая блокадная зима. Впрочем, многое, и главное давно описано.

Отчаянная зима шла к концу, когда, неожиданно-негаданно, на меня свалилось нечто вроде повышения. То есть оставался я, как был, рядовым; должно быть, к счастью. Зато объявили приказ: «убить из дивизии к месту прохождения дальнейшей службы» — им оказалась редакция газеты 42-й армии «Удар по врагу». 85-я СД входила в состав этой армии. Штаб армии, политотдел и, соответственно, редакция располагались на Охте, на Заневском проспекте: я не сразу отыскал эти глубокие тылы Ленфронта на окраине города. Среди сотрудников встретился довоенный знакомец, литературовед Александр Дементьев. Теперь он носил кубики политрука и ведал отделом пропаганды. Сразу стал сминивать к себе. Я не поддался, а крепко ухватился за отдаленной армейской жизни, куда с самого начала и был назначен.

В тылах армии меня не задержали, а сразу отправили в оперативную группу редакции. Она находилась, — это смешно сегодня звучит! — посреди Московского проспекта, на углу Благодатного переулка (теперь это улица).

Со двора большого дома сталинской постройки был вход в жилой корпус, где находился командный пункт 42-й армии. Здесь обитали командующий армией генерал-лейтенант Николаев, члены военного совета Галстян и Мжаванадзе. Их я часто встречал, а генерала Николаева помню особенно хорошо: он любил пройтись без фуражки по двору или постоять у себя в подъезде; не раз отдавал ему приветствие, а он отвечал кивком головы, иногда улыбался, как знакомому. Там же помещались верхи политотдела армии, а еще этажом выше — комната, где проживали мы, газетчики и фотокорреспонденты.

Помню, подымаясь к себе мимо третьего, политотдельского этажа, увидел выходящего оттуда члена военного совета. Завершая разговор, он наставительно внушал начальнику политотдела:

— Нет, здоровая советская демагогия нам вот как нужна!

Такого не придумаешь. Меня страшно изумили тогда эти слова. Они долгие не укладывались в моем наивном сознании. Но в обстоятельствах жизни напоминали о себе чаще и чаще.

Слава Богу, отдел армейской жизни демагогии не требовал.

Кроме того, от нашей оперативной группы было все-таки ближе к Пулковским высотам, чем от Охты. Получив задание, я добирался туда на попутном грузовике или вышагивал на своих двоих. Нередко в частях и ночевал. Писал со слов опытных старших офицеров их методические статьи из боевого опыта и заручался их подписью. Запасался материалом о боевых делах и днях, о солдатских буднях саперов, минометчиков, снайперов, танкистов.